

Литературный концерт

Д. Журавлева

«Дама с собачкой»

Чеховские биографы уверяют, что в «Даму с собачкой» Чехов вложил много личных переживаний. Может быть поэтому улавливаешь что-то интимно чеховское, задушевное, застенчивое в этой повести об огромной любви, внезапно овладевающей человеком среди его мелких дел и помышлений.

Замечательно читает этот рассказ Д. Журавлев. То, что дорого и ценно в спектакле, в актере, в сценическом мастерстве, — все это в чтении на эстраде не только не нужно, но и вредно, мешает, заслоняет единственно важное — верную и глубокую передачу самой души произведения и его автора, чтобы сразу же можно было сказать: вот это Пушкин, вот это Тургенев, а вот это — Чехов!

Именно так читает Журавлев. Почти ни одного жеста, ни одного движения, ничего от «игры» телом, лицом, все — лишь в звуках голоса, в его вибрации, его оттенках, в потоке и течении прозрачной русской литературной речи. И если Гоголь писал, касаясь искусства художественного чтения, что искусный чтец должен «передать всякую неуловимую черту того, что читает», и что для этого должна «в голосе чтеца послышаться неведомая сила, свидетель истинно-растроганного внутреннего состояния», то Журавлев следует именно его указаниям в своей манере читать.

Вот он доходит до того момента в рассказе, когда Гуров вторично встречается с Анной Сергеевной в ее городе, в театре, чтобы сообщить ей о том, что не может жить без ее любви, что их случайная встреча в Ялте стала для них обоих единственно важным событием. Чехов здесь ни разу не произносит слово «любовь». Анна Сергеевна, потрясенная встречей, что-то лепечет о том, что она и «теперь несчастна», а сам Гуров говорит лишь: «Но поймите, Анна, поймите»... И за всем этим — буря чувств, шквал страсти, ощущение огромного счастья, ворвавшегося в их тихую и монотонную жизнь.

Журавлев тонко передает здесь эту «неуловимую черту», это «внутреннее состояние» лишь все ускоряющимся темпом произносимых слов, их бурным нарастанием, их все более учащенным дыханием. Да, они дышат, эти чеховские, скупые,

лаконичные строки, они трепещут от внутреннего волнения. Все слышимое стало видимым, как будто книга ожила, улыбнулась читателю, и сквозь ее страницы просияло смущенное, ласковое и тихое, такое типично-русское лицо Чехова.

Но не только лирику Чехова, но и его мысль, его мудрую думу о жизни умеет передать Журавлев. И когда он читает о том, что, слушая глухой, однообразный шум моря, сидя на скамье в Ореанде рядом с влюбленной в него женщиной, «Гуров думал о том, как в сущности, если вдуматься, все прекрасно на этом свете, все, кроме того, что мы сами мыслим и делаем, когда забываем о высших целях бытия, о своем человеческом достоинстве», то голос чтеца делается таким же задушевым, проникновенным и просветленным, как и чувства Гурова, какими мы их ощущаем в рассказе.

Ощущаем мы в чтении Журавлева и ненависть Чехова, презрение его к ничтожеству, тупости, рабству. Когда Чехов, давая характеристику мужу Анны Сергеевны фон-Дидерику, называет его «лакеем», дед которого был немцем, то Журавлев вкладывает в эти строки столько язвительной иронии, столько ядовитой усмешки, что слушатель воочию видит и сладкую улыбку фон-Дидерица, и его небольшую лысину, и его бакены, и его манеру носить какой-то ученый значок, как лакейский номер. Его фамилию «швейцар выговаривал так: Дрыдырин». И Журавлев произносит эту чеховскую фразу так, что она звучит, как пощечина. Не любил Чехов всех этих «фон-Дидерицев». И Журавлев сумел это не только отчетливо передать, но и пластически изобразить.

Так читает Журавлев этот рассказ Чехова. И делается понятным, почему так много значения придавал художественному чтению Гоголь, и почему сам Чехов так внимательно следил за «превосходными чтецами», посылая им рассказ Горького «Сирота» и сообщая об этом автору.

К таким превосходным чтецам следует отнести и Д. Журавлева, дающего так много наслаждения и радости всем любящим творчество Чехова.

М. Чарский.